

Золотая жила

«Поэзия – та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Так писал Маяковский о труде поэта. Думается, положение не изменилось и сейчас. Бьются над словом и мастера, и начинающие стихотворцы, а цель у них одна – одарить мир плодами своих творческих озарений.

Представляем на суд читателей сочинения наших казахстанских поэтов, а также среди них гости из Европы, и желаем всем успехов в разработке той самой писательской, да и читательской золотой жилы.

Василий Колин (г. Петропавловск)

* * *

А день был облачным и жарким:
Торгаш пересчитывал деньги,
Провожая глазами стражника,
Нищий струнами жалобно
Тренькал
И гнусавил мотив
 неважненький;
Изнаывали в долине сады
От бесплодности
 и от безветрия,
И ничто не сулило беды,
Лишь людьми овладело
 безверие,
Да надсадно вороны каркали.

Жизнь текла и проста, и пуста.
В этот день и распяли Христа.

* * *

Отец мой прошёл в лейтенанты
Из древних крестьянских корней.
На фронте он ставил на карту
Судьбу родословной моей.
Хлебнув из наркомовской чарки,
Он жил от версты до версты.
Война не дарила подарки –
Война раздавала кресты.
Кому-то с простреленной каской,
Кому-то с фанерной звездой...
Суров был отец и неласков,
И немногословен со мной.
Бывало, тяжелой рукою
Свой гнев он на мне выражал,

Но что-то в нем было такое,
За что я его уважал.
Носитель фамильного гена,
Который сильнее огня,
Отец из немецкого плена
Бежал только ради меня.
Я очень к нему был привязан
И рядом с ним шёл до конца.
Сегодня я просто обязан
И жить, и любить за отца.

Рудольф Моисеев (г. Алматы)

* * *

Когда я, тоскуя, в мечтаньях лечу,
Когда слышу жалобный плач журавлей,
Я в ветре чужом и холодном хочу
Поймать хоть на миг шум
 родных тополей.

Когда в ледяной рубашонке дрожит
На ветке последний кленовый листок,
Мне кажется, время на месте стоит,
На плечи накинув промокший платок.
Сквозь ветер, что листья швыряет ногой
И, в спину толкнув, замирает чуть-чуть,
Я вижу ресницы долины родной,
И город, что долго не может уснуть,
И горы, что жмутся поближе к домам,
Озябшие речки меж улиц прямых,
И снег, что сползает все ниже

 к садам

С знакомых вершин между елей седых.
Мне в эту осеннюю темную ночь
Так хочется видеть родные поля,
Всю грусть мою с горечью
 выбросить прочь,
Вернуться домой, где растут тополя.

* * *

Поскакала жизнь по кочкам,
По колдобинам судьбы,
По колючкам, по цветочкам,
Меж развала и гульбы.

Скачешь, скачешь и не знаешь:
Потеряешь или найдешь, –
Строишь планы и гадаешь,
Где взлетишь, где упадешь.

Жизнь несет через преграды,
День то ярок, то понур,
То ошибки, то награды,
Жизнь теперь – сплошной конкур.

Досжан Султанов (г. Алматы)

ПОТОМУ ЧТО НА СВЕТЕ ЖИВУ

Я обидеть не смею вдову,
Старика, а тем паче – калеку,
Потому что в юдоли живу,
Столь похожей на светлую реку.
Я всегда преклоняю главу
Перед чистым и добрым истоком,
Потому что на свете живу
Между Западом и Востоком.
Горд я тем, что добром прослыву
От Алтая до плато Устюрта,
Потому что в стране я живу,
Величавой, как белая юрта.
Я любимой тебя назову,
И не только за странные взоры,
Потому что в юдоли живу,

Столь прекрасной, как эти горы.
Разве только за синеву
Любят птицы просторы эти?
Я на луке порву тетиву...
Пусть живут журавли на свете.

ДОСАДА

Солнце тщетно пыталось влагу извлечь
Из куска задубевшей глины,
А затем покатило головушкой
с плеч
В дымку сизую Чуйской долины.
В Моюнкумских песках затерялся аул,
Как узор в темных складках чулка.
Оловянным солдатом стоит саксаул,
Уцелевший один из полка.
Разжиревший бархан, обнаглев
с неких пор,
Тянет щупальца к горлу колодца.
А срубивший деревья
несчастный топор
От досады готов расколоться.
Только люди бесстрастны к тому,
что творят,
Ибо меряют небо аршином.
И глаза у пустынь по-бесовки горят,
Когда бури влекут их к вершинам.

Иосиф Брейдо (г. Караганда)

* * *

Прощай, сюда я не вернусь
И не перешагну порога,
Но не испытываю грусть,
Легла мне скатертью дорога,
И дует в спину ветерок,
Когда единственный урок
Или нежданная награда:
Не возвращаться никогда
В места, где чудилось начало...
Сгорая, падала звезда
А ты, бог весть, что загадала.

РЕКВИЕМ

Вкус горький черноморских вод
и океана,
Берёзы под Москвой,
мечети Регистана,
Нева, Амур и Волга, Зеравшан и Лена –
Не выбраться никак из этого
мне плена.
Спина лосося, верх ползущего упрямо,
В дальневосточной мелкой
речке безымянной,
Крещатик, переулки Риги,
мост Дворцовый...
Как жаль, что сброшены
державные оковы,
И перелистаны последние страницы.
Но сердцу наплевать на визы
и границы.
И вряд ли мне уже избавиться
до гроба
От ощущения внезапного озноба,
Когда играют марш
«Прощание славянки»
И слушают его имперские подранки.

Керен Климовски

* * *

Я всё так же
перехожу дорогу
на красный свет
не знаю слова «нет»
И все-таки разговариваю с Богом
И небо – мое и море – мое
и все голубые улыбки
и джинсовые куртки
Светофор мне мигает
не теряя ни минуты
перебегаю
чтобы на красный свет успеть
Этот момент незаменим
Это пяток моих желание
Это пяток моих превосходство
над миром самим

* * *

Вечность ложится пылью
на деревянный паркет
Если б ты знал мой милый
Если б ты видел шторы
которые все прикрывали
чтобы мы забывали
как это было
Если б ты видел окна
замерзшие от обиды
простуженные стекла
были нам все же верны
Но мы спрятали головы
Глаза превратились в кристаллы
и они растаяли
не дождавшись весны
И теперь есть только вечность
опилки старые стружки
И желтая свечка которую я зажгла
Поцеловала мне пальцы
И я превратилась в старушку
Ушедшую из дома который
сгорел дотла

С. Агин (г. Алматы)

РЕМЕЙК

Переделывается Толстой,
Перемалывается Тургенев,
И на золе усопших гениев
Бал правит рынок мировой.

И я решил засесть за труд –
Осовременить «Дон-Кихота».
Но мне шептал незримый кто-то:
– Не смей, они тебя прибьют.

Я отмахнулся. Всю неделю
Скрипел пером. Потом в мой дом
Пришли дон Анхель с дон Мигелем
И дали по балде копьём.

Очнувшись, понял, что отшибло
Паразитарный мой синдром:
В чужую золотую жилу
Теперь – ни рылом, ни пером!